

— Ладно, пусть зарабатывает эти баллы и получает премию за первое место, — кивнула Е Цзинь, изображая крайнюю степень заботы о других.

Фан Цзяхуэй мысленно вздохнула.

Эта вредная девчонка, неужели она ради каких-то грошей старается?

Хотя... почему бы и нет? Деньги на дороге не валяются.

Все снова рассмеялись над словами Е Цзинь, и каждый наперебой начал выражать Фан Цзяхуэй свою преданность, заявляя, что помогут ей заработать на детское питание.

То ли благодаря переменам в образе Е Цзинь, то ли по какой-то другой причине, но одноклассники стали охотнее общаться с ней, то и дело отпуская шуточки в её адрес.

Однако было кое-что, что повергло Фан Цзяхуэй в настоящий шок: Е Цзинь вдруг начала серьёзно учиться! Она больше не прогуливала уроки и не спала на занятиях — она действительно сидела, внимательно слушала учителей и вела конспекты!

Понаблюдав за ней несколько дней и убедившись, что это не сиюминутная прихоть, Фан Цзяхуэй внезапно почувствовала умиление. Сначала она опасалась, что эта бунтарка испортит её любимицу, но кто бы мог подумать — кто бы мог подумать! — что всё обернётся наилучшим образом. Е Цзинь не только не сбила Цзян Яншуй с пути истинного, но и сама взялась за ум!

Такой радостной новостью грех было не поделиться. Фан Цзяхуэй тут же позвонила матери Е Цзинь и выложила всё как есть. Е Чанцин на том конце провода пришла в такое возбуждение, что чуть было не бросилась звонить старому главе семейства.

Судя по всему, присутствие рядом этой девочки по фамилии Цзян оказалось весьма благотворным. По крайней мере, это заставило их непутёвую дочурку взяться за ум и стремиться к успеху!

Хотя они никогда не возлагали на Е Цзинь каких-то грандиозных надежд, если ребёнок начинает преуспевать — это, безусловно, только радует.

Положив трубку, Е Чанцин задумалась. Если посмотреть с этой стороны, разве не прекрасно, если Цзян Яншуй в будущем станет её невесткой?

Эта девчонка достаточно проницательна, к тому же, насколько ей было известно, она уже принимала участие в управлении компанией, и весьма успешно.

Если такой умный и способный человек действительно станет омегой её дочурки, то разве

грозит этой сорвиголове в будущем участь остаться без гроша в кармане?

Однако о всех этих далекоидущих планах госпожи Е сама Е Цзинь пока ничего не верила. Сейчас она была поглощена изучением биологии, которая доводила её до белого каления: зубрежка этих АА и ББ напоминала зачитывание рэпа.

— Неправильно. Односторонняя метка между альфами и омегами предполагает отношения подчинения, — поправила её Цзян Яншуй.

Е Цзинь закатила глаза.

— У меня вопрос к составителям этого учебника: нельзя ли было написать это не так заумно?!
— взбеленилась Е Цзинь. С самого утра её голова была забита всеми этими альфами и омегами, её уже тошнило от этих букв!

Цзян Яншуй мысленно с ней согласилась. На самом деле она и сама считала, что все эти переплетения терминов способны закружить голову кому угодно.

— Посмотри вот это, — Цзян Яншуй достала тетрадь и протянула ей. — Здесь собраны все основные моменты, и объяснено гораздо проще.

Е Цзинь взяла тетрадь, раскрыла её и подозрительно покосилась на девушку:

— С чего это вдруг такая доброта? Не забывай, я вообще-то мечу на твоё место на вершине!

И это называется помощью конкуренту?!

— Я знаю, — не глядя на неё, Цзян Яншуй опустила взгляд на свою книгу и продолжила: — Ты сначала докажи, что у тебя есть на это силы, а я посмотрю, сможешь ли ты меня сместить.

Если говорить честно, ей самой было любопытно, до каких высот сможет дойти Е Цзинь.

— Цц, недооцениваешь меня, — усмехнулась Е Цзинь и бросила на неё искоса взгляд.

— Угу, я поняла. Учи давай, — бесстрастно произнесла Цзян Яншуй.

Е Цзинь тут же надулась, фыркнула и отвернулась.

Однако прошло совсем немного времени, как Е Цзинь снова придвинулась ближе, дёргая Цзян Яншуй за рукав и тыча пальцем в строчку в учебнике:

— Это что ещё значит?

Цзян Яншуй не выказала ни малейшего раздражения. Внимательно вчитавшись в вопрос, она принялась терпеливо и подробно всё объяснять.

Они сидели тесно прижавшись друг к другу, склонив головы над книгой. Со стороны это выглядело невероятно интимно, однако кое у кого от этой картины зубы скрипели от злости.

Ли Ян смотрел на них, не обращая внимания на окружающих, а в глубине его глаз мелькнуло мрачное выражение. Проследив взглядом за Цзян Яншуй, он судорожно сглотнул, чувствуя, как пересохло в горле.

На самом деле их отношения ведь не такие уж близкие, какими кажутся со стороны, верно? Иначе почему Цзян Яншуй до сих пор противится тому, чтобы Е Цзинь поставила ей метку?

Остальные двое не обратили на него внимания, а если и заметили, то вряд ли бы стали придавать этому значение.

Когда Цзян Яншуй всё объяснила, Е Цзинь понимающе кивнула, показывая, что разобралась.

Глядя на то, как Е Цзинь снова углубилась в самостоятельное обучение, Цзян Яншуй в очередной раз убедилась в одной истине: Е Цзинь на самом деле очень умна. Стоило объяснить проблему один раз, как она схватывала всё на лету и даже умела применять знания по аналогии — жаль только, что раньше этот острый ум растрачивался впустую.

— Профессор Фан просила ещё раз спросить тебя: она всё же надеется, что ты будешь участвовать в номере на юбилей школы.

Е Цзинь оторвалась от книги и озадаченно посмотрела на неё:

— Почему она вечно передаёт всё через тебя? Неужели не может сказать мне лично?

Ей казалось, что в поведении старой Фан определенно было что-то странное: почему она вечно использует Цзян Яншуй как орудие в своих руках?

Почему же?

Цзян Яншуй бросила взгляд на эту ничего не подозревающую особу, опустила глаза и тихонько усмехнулась.

Причина могла быть только одна: Фан Цзяхуэй теперь активно пыталась их свести.

Она покачала головой с лёгкой улыбкой — к сожалению, все эти старания были пустой тратой сил.

— Так ты всё-таки не подумаешь?

— Нет. Ты же видела моё расписание, когда мне ещё и этим заниматься? — решительно отказалась Е Цзинь. Ещё чего не хватало! Она ведь собралась стать первой во всём!

И то верно: Е Цзинь расписала своё время так плотно, что у неё едва оставалось время на еду, и самое удивительное было то, что она действительно следовала этому графику.

— Тогда учти, дома временами может быть шумновато.

— С чего это вдруг? — подняла голову Е Цзинь.

— Мне дали номер для выступления, нужно немного порепетировать, — пояснила Цзян Яншуй.

Е Цзинь моргнула:

— Ты будешь выступать на сцене?

— Разве я выразилась недостаточно ясно? — удивилась Цзян Яншуй.

Е Цзинь: «.....»

— А, ну тогда репетируй.

Эта старая Фан действительно не упустит ни единого шанса!

Когда они вернулись в съёмную квартиру за пределами кампуса, пианино уже привезли и установили. В трёхкомнатной квартире одна из комнат пустовала, и она идеально подошла под музыкальную гостиную, тем более что звукоизоляцию там сделали на славу.

Е Цзинь посмотрела на рояль, затем перевела взгляд на руки Цзян Яншуй — длинные, изящные, безусловно чистые. Такие руки вполне можно было назвать произведением искусства, они действительно выглядели так, будто созданы для игры на фортепиано.

— Будет сольное выступление? — спросила Е Цзинь.

Цзян Яншуй кивнула:

— Пока планирую так.

Е Цзинь хмыкнула, протянула руку и легко провела пальцами по полированной поверхности, а затем вдруг широко улыбнулась и постучала ногтем по краю корпуса:

— А ну, сыграй-ка мне что-нибудь!

Она отдавала приказ без тени смущения, совершенно не воспринимая себя здесь чужой.

Цзян Яншуй лишь позабавила такая наглость; ей показалось, что Е Цзинь похожа на несмышлёного мальчишку, который напялил взрослую одежду и теперь неуклюже хорохорится, вызывая лишь улыбку.

Тем не менее отказываться она не стала. Подойдя к инструменту, она села на банкетку, взяла несколько пробных аккордов и, убедившись, что всё звучит отлично, закрыла глаза и без всяких нот заиграла с поразительной лёгкостью и плавностью.

Мягкие звуки полились из-под её пальцев, и прекрасная мелодия заструилась вокруг Е Цзинь. Стоя рядом и глядя на погруженную в музыку Цзян Яншуй, Е Цзинь поджала губы и не могла оторвать глаз.

Одна стояла, другая сидела, и в этот момент они казались невероятно близкими, но тот, кто трезво оценивал реальность, знал: между ними пролегла непреодолимая пропасть.

Е Цзинь вдруг почувствовала, как сердце тяжело защемило, а в носу неприятно защипало. Она моргнула, глядя куда-то вдаль, но прекрасная музыка теперь казалась ей накатывающей девятым валом разрушительной волной, от которой некуда деться, и удушающая теснота сдавила со всех сторон.

— Что с тобой? — пара прохладных ладоней коснулась лба Е Цзинь, и в ушах послышался встревоженный голос.

Е Цзинь очнулась от оцепенения и вдруг зашлась в мучительном кашле, точь-в-точь утопающий, до покрасневших глаз.

Музыка умолкла неизвестно в какой момент. Мягкое касание чужих рук, слабый приятный аромат, исходивший от девушки — всё это лишь сильнее заставляло её глаза наливаться слезами.

— Я принесу тебе воды, — видя, как тяжело та кашляет, Цзян Яншуй поспешно сделала шаг назад.

Е Цзинь закашлялась ещё сильнее, провожая её взглядом, а рука, опиравшаяся на крышку рояля, сжалась в кулак.

— Что с тобой такое? Почему ты вдруг начала кашлять? — Цзян Яншуй протянула стакан с водой, а на её лице всё ещё читалось искреннее беспокойство.

— Пустяки, просто поперхнуло, — покачала головой Е Цзинь. Сделав пару глотков, она мгновенно обрела прежний бравый вид, вскинула руку и шутливо погрозила Цзян Яншуй указательным пальцем: — То, что было только что, тебе показалось!

Она ни за что не хотела, чтобы в памяти девушки остался столь жалкий момент.

Заметив, что к той снова вернулась привычная самоуверенность, Цзян Яншуй с легкой усмешкой покачала головой: раз уж она снова начала беспокоиться о своём имидже, значит, ничего страшного действительно не произошло.

— Сколько лет ты уже занимаешься? — спросила Е Цзинь, когда они направились к выходу из музыкальной комнаты.

— С пяти лет. Получается, уже лет десять, — на мгновение погрузившись в воспоминания, ответила Цзян Яншуй. Она до сих пор отчётливо помнила, как тяжело ей приходилось за инструментом в детстве.

— Неудивительно, что играешь так здорово, — бормонула себе под нос Е Цзинь.

Цзян Яншуй промолчала, не став продолжать этот разговор.

— Послезавтра твой период восприимчивости. Ты и завтра собираешься в школу?

— Конечно. Не из-за чего устраивать панику, — небрежно бросила Е Цзинь.

Цзян Яншуй промолчала. Не из-за чего устраивать панику? Это она сейчас такая беспечная, а вот когда наступит настоящий период восприимчивости...Вспоминая её вид тогда в медицинском кабинете... Разве Е Цзинь во время периода восприимчивости не станет плакать и умолять выдать ей феромоны?

Разве нет?

Впрочем...

Цзян Яншуй перевела взгляд на невозмутимую Е Цзинь, ведь эта особа совсем недавно с пеной у рта доказывала, что ей это совершенно не нужно.

Интересно, не придется ли ей потом самой же забрать свои слова назад?

Цзян Яншуй поймала себя на мысли, что даже ждет этого с некоторым предвкушением.

Стоило им сесть за еду друг напротив друга, как у дверей раздался звонок.

Обе подняли головы и переглянулись. Е Цзинь еще не проглотила еду, продолжая ее жевать. Ее щеки слегка раздулись, а растерянный вид замершей с набитым ртом девушки делал ее невероятно похожей на невинного, прожорливого хомячка.

Заметив это, Цзян Яншуй отложила палочки и встала, чтобы открыть дверь. Едва замок щелкнул, внутрь ураганом влетел маленький человечек, обвинив ее за талию и радостно крикнув: «Сестричка!»

Узнав в госте Цзян Ди, Цзян Яншуй смягчила взгляд, наклонилась, чтобы взъерошить его копну мелких кудряшек, а затем подняла глаза на стоявшую за порогом Цзян Ли и тепло улыбнулась:

— Мам, вы почему приехали?

Когда Цзян Ли вошла в квартиру, Е Цзинь, услышав шум из столовой, тоже поспешила выйти и теперь, слегка смущенная, стояла рядом с Цзян Яншуй.

— Здравствуйте, тетя, — первой поприветствовала Цзян Ли Е Цзинь, а затем, опустив взгляд, помахала Цзян Ди и широко улыбнулась: — Мы снова встретились!

— Здравствуй, сестричка Е! — звонко отозвался Цзян Ди.

Переступив порог, Цзян Ли опасалась, что две девчонки не смогут толком о себе позаботиться, но теперь, глядя на всё это, она поняла, что дела обстоят вполне сносно. Тяжелый камень наконец отпал от ее сердца.

— Е Цзинь, вы же еще обедаете? Идите доедайте, поболтаете за едой.

Цзян Ли присела рядом, наблюдая за молодежью. Судя по всему, ладили они неплохо и никаких конфликтов между ними не возникало. Однако тут же, при мысли о грядущем периоде восприимчивости у Е Цзинь, ее брови снова омрачила легкая тревога.

— Сестричка, поешь! — заметив на столе креветок, Цзян Ди тут же убежал в раковину вымыть руки, забрался на стул и принялся усердно чистить морепродукты. Накопав целую горку размером с полпиалы, он тут же подвинул ее к руке Цзян Яншуй и заглянул ей в лицо своими сияющими глазёнками.

Посмотрев на эту порцию, Цзян Яншуй с улыбкой погладила его по голове:

— Спасибо тебе, наш Ди-ди.

Услышав похвалу, Цзян Ди засиял еще ярче и снова уткнулся носом в работу.

Сидевшая напротив Е Цзинь наблюдала за этой сценой, а затем перевела взгляд на пиалу с креветками. Раньше она уже замечала, что Цзян Яншуй вовсе не притрагивается к ним. Сначала девушка думала, что та их просто не любит, но раз младший брат почистил для нее столько штук, значит, любовь к креветкам все же была — не хватало только желания возиться с их очисткой?

Цзян Ли с улыбкой смотрела на своих детей. В первой половине жизни ей не везло с людьми,

но небеса оказались к ней милостивы, подарив такие два согревающих сердце сокровища.

— Ари, я спокойна, видя, как вы ладите, — произнесла Цзян Ли, глядя на Е Цзинь. Находящаяся перед ней альфа вызывала у нее противоречивые чувства: одно лишь осознание того, чьим ребенком та являлась, заставляло ее чувствовать себя неуютно.

Прошло столько лет, а их дети все еще оказались связаны друг с другом.

— Мы отлично ладим! — Е Цзинь тут же гордо выпятила грудь и показала большой палец.

Цзян Ли тихонько рассмеялась и покачала головой, думая про себя, что хотя эта девочка и была ребенком той женщины, в ней не было ни капли ее черт, а характер вообще отличался кардинально.

— Ди-ди голоден? Хочешь что-нибудь перекусить? — склонила голову Цзян Яншуй, обращаясь к мальчику, который все еще был поглощен чисткой креветок.

— Нет, я поел перед выходом, — покачал головой Цзян Ди, а затем обиженно протянул: — Почему сестричка переехала сюда? Теперь я не могу видеть ее каждый день.

Цзян Яншуй переглянулась с Е Цзинь. Та виновато потерла нос и отвела глаза.

— Потому что отсюда ближе к университету, и сестричка сможет подольше поспать по утрам, — мягко утешила брата Цзян Яншуй, взъерошив его мягкие кудри.

Услышав такое объяснение, Цзян Ди решил, что это вполне веская причина: раз уж сестричка сможет подольше поспать, тогда ладно!

— А можно я тоже перееду сюда жить? И мама тоже! — не унимался мальчик.

Его слова привели Е Цзинь в ужас, но поскольку Цзян Ли находилась совсем рядом, та не смела и пискнуть против.

— Нельзя, — подала голос Цзян Ли, покачав головой. — Если ты переедешь, сестричке придется отвлекаться на твоё воспитание, и тогда у нее совсем не останется времени на сон.

— Но я ведь могу сам заботиться о сестричке! — упрямо задрал голову Цзян Ди. — Тоже не пойдет, — Цзян Ли продолжала качать головой. — Мама точно не станет сюда переезжать, а если ты переедешь к нам, то сестре придется вставать спозани, чтобы отвезить тебя в школу. Разве это будет похоже на то, что ты заботишься о сестре?

Услышав это, Цзян Ди поник головой, приняв крайне разочарованный вид.

Цзян Яншуй погладила его по голове и с мягкой улыбкой произнесла:

— Хоть сестра и переехала, я всё равно буду часто возвращаться домой, да и Ди-Ди тоже может приходить сюда в любое время.

Её слова немного утешили мальчика, и он кивнул, согласившись с этим.

Сидевшая напротив Е Цзинь наблюдала за их перепалкой, чувствуя легкую зависть. Она была единственным ребенком в семье, у нее не было ни старших сестер, ни младших братьев или сестер. Глядя на то, как ладят между собой эти двое, она, с детства росшая в некотором одиночестве, тоже начала завидовать.

Подняв взгляд, Цзян Яншуй заметила выражение в глазах Е Цзинь и на мгновение замерла.

Когда Цзян Ли и остальные ушли, Цзян Яншуй посмотрела на соседку и спросила:

— У тебя совсем нет братьев или сестер?

Е Цзинь взглянула на нее и покачала головой.

Госпожа Е родила только ее одну, и в нынешнем поколении Семьи Е она была единственным ребенком — ее старший дядя был убежденным холостяком, так что детей у него, естественно, не было.

Цзян Яншуй не стала продолжать расспросы; возможно, Е Цзинь была вовсе не такой беззаботной и жизнерадостной, какой казалась на первый взгляд.

После этого ни одна из них не мешала другой: Е Цзинь ушла в свою комнату заниматься, а Цзян Яншуй отправилась играть на музыкальном инструменте. Они вполне мирно уживались под одной крышей.

Ранним утром следующего дня обе стояли у входа в прихожую. Цзян Яншуй посмотрела на Е Цзинь и обеспокоенно спросила:

— Ты взяла блокаторы?

— Не переживай, я ношу их с собой каждый день! — Е Цзинь хлопнула себя по карману, а затем по сумочке. После урока, который ей преподавала Цзян Яншуй, она теперь не ограничивалась тем, что прятала блокаторы только в сумке — в конце концов, сумка не всегда при тебе, а запасной тюбик в кармане брюк гарантировал полную безопасность!

Услышав это, Цзян Яншуй кивнула:

— Если почувствуешь себя плохо, сразу же скажи мне.

— Не волнуйся, я ведь уже дважды через это проходила, у меня есть опыт, — Е Цзинь считала, что переживать так сильно вовсе не обязательно. Будучи консервативной альфой, она очень дорожила своей чистотой и, конечно же, не позволила бы так легко ее лишиться!

Однако этот ее самоуверенный вид почему-то лишь усилил тревогу Цзян Яншуй.

Такие слова казались дурным предзнаменованием, флажком, который неизбежно будет

сорван. Очевидно, что дальнейшие действия Е Цзинь полностью оправдали интуицию омеги, сполна подтвердив все ее тревоги.

Изначально спокойный урок мгновенно превратился в хаос. Мощные феромоны высшей альфы давили на каждого присутствующего. Под натиском этой агрессивной волны альфы покрывались холодным потом и не могли сдвинуться с места, а омеги со слабой силой воли были вынуждены войти в состояние течки. Беспорядочные феромоны заполнили каждый уголок класса.

Преподавательница географии, оказавшаяся бетой, заметив происходящее, немедленно организовала студентов-бет. Первым делом они сделали инъекции подавляющих средств омегам и вывели их из аудитории.

Эвакуировав всех омег в течке, она наконец смогла обратить внимание на альф, которых феромоны давили настолько сильно, что они едва могли дышать.

Источником же этого буйства феромонов была Е Цзинь, которая еще минуту назад прилежно слушала лекцию. Сейчас она с мучениями лежала на полу, а из ее железы сокрушительным потоком изливался аромат зеленой сливы, влияя на всех вокруг.

Сильнее всего это воздействие ощущала сидевшая рядом Цзян Яншуй. Омега, уже отмеченная альфой, обладала сильным чувством собственности по отношению к своей половинке и куда острее поддавалась ее притяжению. Лицо Цзян Яншуй покраснело, в голове начал подниматься туман, но терять сознание сейчас было никак нельзя. Она шагнула вперед, подхватила Е Цзинь и дрожащими руками достала из кармана ее брюк ингибитор, чтобы сделать ей укол.

Е Цзинь болезненно застонала. Ей безумно хотелось оттолкнуть силуэт, маячивший прямо перед ней, но в то же время от этого человека исходил притягательный запах. Терзаемая противоречием между желанием оттолкнуть и придвинуться ближе, Е Цзинь чувствовала, что ее голова вот-вот расколется от боли. Боль была настолько невыносимой, что она принялась биться головой о пол.

— Е Цзинь!

Увидев это, Цзян Яншуй тут же обхватила ее голову руками, чтобы предотвратить самоповреждение. Феромоны снежного лотоса начали смешиваться и переплетаться с ароматом сливового вина, однако от этого Цзян Яншуй закружило голову еще сильнее, а перед глазами все поплыло и двоялось.

Учитель географии подошла к Цзян Яншуй, помогая удерживать Е Цзинь. Но разве альфу, вошедшую в период восприимчивости, так легко обуздать? Бушующие в ее сердце свирепые инстинкты бродили и требовали выхода. Глаза Е Цзинь покраснели, весь мир перед ней затянуло багровой пеленой, что лишь подстегнуло ее дикую ярость.

— Убирайтесь!

<http://bllate.org/book/21716/2243882>